

Валов Т. В. Социально-экономические итоги и политические последствия приватизации 1990-х годов для России и Санкт-Петербурга / Т. В. Валов // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 301—321. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-301-321.

Valov, T. V. (2020). Socio-Economic Results and Political Consequences of Privatization of 1990s for Russia and Saint Petersburg. *Nauchnyi dialog*, 4: 301-321. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-301-321. (In Russ.).

УДК 94:338.242.4.025.88(470)“199”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-301-321

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ 1990-х годов для России и Санкт-Петербурга¹

© Валов Тимофей Васильевич (2020), orcid.org/0000-0002-8887-9421, инженер-исследователь, Институт истории, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), timofei.valov@yandex.ru.

В статье рассматриваются социально-экономические итоги и политические последствия российской приватизации 1990-х годов. Актуальность исследования обусловлена тем, что рыночные реформы, в том числе политика приватизации, существенно повлияли на все сферы жизни постсоветского социума, сформировав общественную модель посткоммунистической России. Соответственно, изучение данного вопроса позволяет лучше понять не только характер одного из наиболее фундаментальных исторических переходов конца XX века, но и специфику современного российского общества. В статье анализируется влияние экономических реформ на социальные изменения, рассматриваются демографические сдвиги, исследуется преобразование социальной структуры посткоммунистического общества. Региональное измерение раскрывается на примере Санкт-Петербурга. Более детально трансформация социальной структуры рассматривается на примере отдельных общественных групп: рабочие, сельское население, интеллигенция, военные, политическая элита, олигархи, криминалитет. Анализируется взаимосвязь между социальными и политическими последствиями приватизации. Информационную базу исследования составили статистические источники, мемуарная литература, стенограммы заседаний Государственной Думы, законодательство, пресса России и Санкт-Петербурга, аудиовизуальные источники, данные социологических опросов, а также архивные материалы, в том числе фонды государственных архивов.

Ключевые слова: приватизация; реформы; капитализм; рынок; собственность; общество; Санкт-Петербург.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90010.

1. Введение

В последнее десятилетие XX века Россия переживала процесс посткоммунистической рыночной трансформации. Переход от «социализма» к «капитализму» подразумевал под собой коренное преобразование всех сфер жизни российского общества. Одним из центральных элементов рыночных реформ стала политика приватизации, направленная на передачу государственной собственности частным лицам и тем самым формирующая экономический базис новой общественной модели. В отличие от стран со стабильной рыночной экономикой, где приватизация использовалась в качестве инструмента решения отдельных экономических проблем, в России она играла гораздо более масштабную роль и решала историческую задачу, подразумевающую под собой и социально-экономические, и политико-правовые аспекты. Е. Т. Гайдар отмечал: «В России сегодня делается не политика, а история. За нами исторический выбор, который определит жизнь нашу и новых поколений» [Гайдар, 2009, с. 185].

Реформаторы видели приватизацию в качестве не только одного из основных инструментов создания рыночной экономики, но и способа предотвращения возможного коммунистического реванша, ведущего к тотальному доминированию государственных структур в политике и экономике. По их мнению, для этого было необходимо как можно скорее лишить государство большей части собственности, подразумевая, что государство без собственности — это слабое государство. Каждый новый собственник становился потенциальным противником возврата к командно-административной системе и монополии на власть коммунистической партии, так как, обладая собственностью, он начинал выступать за рыночную экономику уже как за свой реальный личный интерес, а не просто «абстрактную идею». Как образно выразился архитектор российской приватизации А. Б. Чубайс, «мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма. Это разные задачи с разной ценой <...> Мы знали, что каждый проданный завод — это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого, дешево, бесплатно, с приплатой — двадцатый вопрос, двадцатый. А первый вопрос один: каждый появившийся частный собственник в России — это необратимость, это необратимость ...» [Чубайс, 2001].

Данная установка являлась основным реальным лейтмотивом приватизации, особенно во время реализации ее чекового этапа в 1992—1994 годы, хотя формальными целями приватизации на протяжении всего периода провозглашались появление эффективного собственника, развитие предприятий, формирование социально ориентированной рыночной экономики.

На следующем денежном этапе приватизации в 1994—1999 годах эта установка также сохранилась, что особенно ярко проявилось в ходе залоговых аукционов декабря 1995 года, оформивших союз власти и крупного капитала, после чего летом 1996 года Б. Н. Ельцин был переизбран на второй президентский срок. А. Б. Чубайс: «Мы решили задачу с того момента, когда на выборах в 96-ом году Зюганов отказался от лозунга “национализация частной собственности”. Отказался не потому, что он полюбил частную собственность, а потому что он понимал, что, если хочешь власть в этой стране получить, безумие отнимать назад. У тебя самого отнимут так, что мало не покажется ...» [Там же].

После выборов основной целью приватизации стало пополнение бюджета и решение тактических политических задач. Попытка открыть новую страницу в истории приватизации в 1997 году — сделать процесс разгосударствления более законным и прозрачным — не увенчалась успехом. Кроме того, к данному моменту основная часть государственных предприятий уже была приватизирована.

Одним из наиболее показательных примеров для анализа регионально-го измерения российской приватизации является Санкт-Петербург, именно он был наиболее крупным развитым городом, где апробировались многие приватизационные технологии, которые затем распространялись по территории страны, так как в столице реформа собственности осуществлялась в достаточно автономном режиме. Помимо этого, значительная часть руководителей приватизации на федеральном уровне были петербуржцами (А. Б. Чубайс, С. Г. Кох, Г. О. Греф), а представители команды, управлявшей городом в 1990-е годы, особенно при А. А. Собчаке, в начале следующего века возглавили федеральные органы власти (В. В. Путин, А. Л. Кудрин, Д. А. Медведев, В. А. Зубков). Соответственно, важно проанализировать характер реформы собственности и стиль управления городом в переходную для страны эпоху, чтобы лучше понимать специфику трансформации имущественных отношений 1990-х годов, а также характер дальнейшего развития постсоветского общества.

Концепция приватизации в России имела компромиссный и противоречивый характер, что было обусловлено столкновением интересов самых разных общественных групп. Каждая группа хотела получить существенную часть государственной собственности на наиболее выгодных для себя условиях. Переплетение интересов федерального центра, региональных элит, зарождавшегося бизнеса, криминалитета и иностранных компаний представляло из себя причудливую конфигурацию сдержек и противовесов, выражающую борьбу разных групп населения за собственность.

Главным фактором становилось отношение к реформам «красных директоров», представляющих наиболее мощную экономическую силу. Если на начальном этапе разгосударствления они являлись противниками приватизации, усматривая в ней подрыв собственных интересов, то постепенно позиция скорректировалась, и директорат стал выступать за приватизацию, но в наиболее выгодной для себя форме. В связи с этим возникает интересный парадокс: несмотря на то, что провозглашение официальной приватизации должно было устранить незаконный характер «номенклатурной» приватизации, начавшейся в конце 1980-х — начале 1990-х годов, она в какой-то степени последнюю просто узаконила. По мнению группы авторов, во главе с А. Д. Радыгиным, приватизации бы не было без поддержки директоров, но и не было бы поддержки последних при введении жестких санкций против их «спонтанной» деятельности [Радыгин, 2001, с. 23]. Отдаленно данная ситуация напоминала реформу крепостнической экономики имперской России, когда возможность ее осуществления была напрямую связана с отношением к преобразованиям крупных земельных собственников и поэтому реформа получилась достаточно половинчатой, что сформировало комплекс проблем для последующего развития страны. Законодательно оформленная личная зависимость населения уступила место финансовой.

С точки зрения конкретных положений одним из наиболее наглядных примеров уступки «красным директорам» стал второй вариант приватизации, подразумевающий, что всем членам трудового коллектива предоставляется право приобретения обыкновенных (голосующих) акций, составляющих до 51 % от величины уставного капитала [Государственная программа ..., 1992, с. 14], то есть в реальности это право имелося у администрации, так как именно у нее были знания и навыки, позволяющие распорядиться приватизационными чеками. П. С. Филиппов отмечает: «Сами рабочие говорили: а зачем нам эти бумажки, ваши акции, ваучеры. Вот просто пример, у нас на “Электросиле” в Петербурге рабочие продали свои акции за три месяца» [Филиппов, 2017]. Позже «директорский» характер приватизации — привилегии для трудовых коллективов в ущерб интересам остальной части населения — станет предметом ожесточенной критики. При этом в начале 1993 года около трети граждан страны (30 %) считали, что приватизация должна проводиться прежде всего в интересах трудовых коллективов [Докторов и др., 2002, с. 73]. Еще до начала выдачи приватизационных чеков данный вопрос поднимался, в частности, на совещании у Р. И. Хасбулатова 3 сентября 1992 года. А. Б. Чубайс тогда высказался по этому вопросу следующим образом: «Вы прекрасно помните о том, как объединившиеся силы коммунистов вместе с советами трудовых коллективов, вместе с це-

лым рядом депутатов, руководителями Верховного Совета буквально требовали дополнительных полномочий и прав трудовым коллективам. И вы прекрасно помните, с каким гигантским трудом нам удалось отстоять тот минимально возможный компромисс. Даже тогда мы говорили, что любые дополнительные права трудовым коллективам означают изъятие прав, возможностей у всех остальных» [ГАРФ, ф. 10026, оп. 1, д. 2514, л. 11]. Для компромисса с другой влиятельной группой интересов — государственной бюрократией — авторы программы приватизации включили в нее отраслевые программы, которые предоставляли министерствам определенные права: наряду с Госкомимуществом они получили возможность принимать участие в работе комиссий по приватизации [Лапина, 2003, с. 25].

В целом правовая основа реформы собственности формировалась в ускоренном режиме, в условиях напряженной общественно-политической борьбы, была достаточно фрагментарна и не до конца проработана. В отчете Счетной палаты РФ отмечается, что законодательная база постоянно отставала от реальных процессов приватизации, не обеспечивала возможностей для контроля приватизационных сделок, не позволяла эффективно противодействовать новым формам экономической преступности. Недостатки законодательства создавали препятствия для достижения стратегических целей приватизации и косвенно повлияли на формирование в обществе представлений о несправедливости и нелегитимности ее результатов [Анализ ..., 2004, с. 32].

2. Основные социальные итоги приватизационного процесса 1990-х годов

Необходимо отметить, что итоги приватизации можно рассматривать только в контексте всего комплекса экономических реформ, а также общей динамики развития российского общества. Однако полностью отождествлять разные направления экономической политики не следует, так как внутри каждого из них могли быть различные вариации. Также нет возможности говорить о том, что на протяжении всего периода 1990-х годов реализовывалась одна выверенная экономическая программа. Можно лишь выделить общий вектор — движение к рыночной экономике, но характер и интенсивность этого движения были различными. Так, экономическая политика кабинета Е. Т. Гайдара существенно отличалась от политики правительства В. С. Черномырдина или Е. М. Примакова. Характер деятельности кабинета В. С. Черномырдина также менялся. Например, при обновлении его состава весной 1997 года произошла существенная корректировка проводимой политики.

Изменение состояния социальной сферы было тесно связано с изменением характера экономики и спецификой приватизации государственных предприятий. Одна из особенностей советской экономики заключалась в том, что крупные предприятия содержали объекты социальной инфраструктуры: дома культуры, санатории, спортивные комплексы, детские лагеря и др. Завод часто становился экономическим центром новых городских районов, где для рабочих и их семей создавалась соответствующая инфраструктура. После приватизации предприятия новое руководство чаще всего стремилось избавиться от лишнего груза социальных обязательств. Данные объекты перепрофилировались, тем самым разрушая сложившуюся жизненную среду. Для городов, выстроенных специально под конкретные производства, такая ситуация становилась критической.

Помимо этого, в целом сокращался объем социальных выплат для населения, что было связано как со сложной экономической ситуацией в стране, так и с намерением сдерживать инфляцию, добиться финансовой стабилизации. Указанные тенденции проявлялись в различных аспектах. Например, в Санкт-Петербурге существенно сократилось количество людей, отдыхающих по путевкам в санаториях. Если в 1990 году отдохнуть съездили 1627 тыс. человек, то в 1999 году только 240,1 тыс. [Санкт-Петербург ..., 2003, с. 129]. Если в 1990 году в Санкт-Петербурге было построено дошкольных учреждений на 3595 мест, то в 1997 году только на 560, а в 1999 году вообще 0 [Там же, с. 170].

В сложившейся ситуации под удар попали наименее защищенные слои населения: работники бюджетной сферы, пенсионеры, инвалиды. Тяжелейшую социально-экономическую ситуацию стране и Санкт-Петербургу характеризует письмо в городскую администрацию гражданина С. Позина за сентябрь 1994 года: «Ни одного из лекарств, необходимых моей матери, даже онкологических, нет в списке льготных лекарств. Для того чтобы купить их, необходимо ежемесячно 120 000 рублей при совокупной зарплате 170 000 рублей в месяц. Что же в таком случае остается на жизнь? ... Введение каких-либо ограничительных списков на лекарства — это убийство тысяч неимущих инвалидов» [ЦГА СПб, ф. 10134, оп. 1, д. 127, л. 8].

Вице-премьер Ю. Ф. Яров, посетив Санкт-Петербург, отметил, что самой острой проблемой являются пенсии. На 1 сентября 1995 года задолженность перед пенсионным фондом составила 15 трлн рублей [Коновалова, 1995, с. 1]. В 1997 году Министерство экономики РФ завершило работу по подготовке программы социальных реформ на период 1996—2000 годов. В программу входили такие проекты, как «Дети — инвалиды», «Дети — сироты», «Дети Чернобыля», «Планирование семьи», «Профи-

лактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и т. д. [ГАРФ, ф. 10128, оп. 1, д. 2708, л. 92]. Насколько была высока эффективность подобных программ, судить сложно.

По данной теме высказывались и достаточно своеобразные мнения. Так, в интервью «Вечернему Петербургу» В. И. Новодворская заявляла: «Увы, но сегодняшняя правящая верхушка не спешит прислушаться к голосу передовой — революционной в своем либерализме — культурной элиты и “делать то, что надо”. А требуется “отменить социалку”, взявшись за радикальные реформы, не обращая внимания “на желтый открытый клювик” сограждан, вечно чего-то желающих. Нужно поднять пенсионный возраст до 65 лет, отказаться от пособий по безработице, отдать японцам острова, перестать ссориться с Западом, запретить коммунистические и националистические партии, “закопать социалистические предприятия” и т. д.» [Архипов, 1998, с. 2]. Несмотря на высокий уровень эмоциональности суждений, свойственный стилю В. И. Новодворской, ее высказывание во многом выражает специфику восприятия проводимых реформ значительной частью россиян, так как в рамках массового сознания правительство действовало именно таким образом.

Переход от командно-административной к рыночной экономике в социальном отношении наиболее явно отразился на структуре занятости. Если в 1992 году 78 % петербуржцев работали на государственных и муниципальных предприятиях, то в 2002 году — всего 34 %. В то же время на частных предприятиях стало работать 55 % горожан [Санкт-Петербург ..., 2003, с. 35]. Также четко прослеживается снижение роли промышленности в экономике и увеличение роли торговли, общественного питания. Если в 1990 году 33,1 % петербуржцев были заняты в промышленности, а в сфере торговли и общественного питания 6,2 %, то в 2002 году на промышленных предприятиях работало лишь 19,9 %, а в сфере торговли и общественного питания 20,8 % [Там же, с. 36]. Стоит отметить, что исчерпывающе выявить реальную структуру занятости достаточно сложно в связи с тем, что люди, как правило, работали также на дополнительных работах, которые находились вне зоны фиксации официальной статистики. Так, в середине 1990-х годов вторую и часто не фиксируемую официальную работу имели от 1/3 до половины работающих петербуржцев [Мунтян и др., 2005, с. 258].

Одним из наиболее ярких маркеров, отражающих социально-демографическую ситуацию в целом, стало ежегодное сокращение населения. Если в 1990 году естественный прирост населения составил 332,9 тыс. человек, то в 1993 году россиян стало меньше на 750,3 тыс., а в 1999 естественная убыль населения составила 929,6 тыс. человек [Российский ...,

2000, с. 76]. Таким образом, если в 1990 году население России составляло 148 041 тыс. человек, то в 1999 году 146 693 тыс. [Там же, с. 53]. Эта тенденция затронула и Санкт-Петербург: если в 1990 году петербуржцев насчитывалось 5002 тыс. человек, то в 1999 году лишь 4661 тыс. [Санкт-Петербург, 2003, с. 23].

Можно предположить, что данная тенденция была вызвана не только деградацией социальной сферы, кризисом системы здравоохранения, ростом преступности, но и тем, что в условиях кардинального падения уровня жизни россияне просто не хотели заводить детей, так как при низком уровне доходов не могли обеспечить достойную жизнь своему потомству. В целом эта тенденция стала устойчивой для постсоветской России, что имеет не только социально-экономическое, но и политическое значение, так как РФ, занимая самую большую территорию на планете, имеет непропорционально малое количество населения, что препятствует не только устойчивому экономическому развитию, но при определенных условиях может помешать удержанию пограничных территорий. Исключение составляют только ряд национальных республик в составе РФ, где рождаемость остается достаточно высокой, что преимущественно связано с особенностями менталитета и культуры местного населения.

3. Социальные группы постсоветского общества в контексте рыночной трансформации

Наиболее наглядно характер произошедших изменений можно рассмотреть на примере отдельных социальных групп. Так, в ходе реформ существенно изменилось положение «ведущего класса советского общества». Несмотря на то, что программа приватизации подразумевала широкие льготы для трудовых коллективов предприятий, в реальности рядовые рабочие не стали полноценными собственниками. На многих предприятиях после смены формы собственности начались массовые сокращения, в целом ухудшились условия труда, наблюдался существенный отток рабочей силы в сферу услуг и торговли. Не имея достаточных финансовых ресурсов, руководство некоторых предприятий было вынуждено выплачивать зарплату собственной продукцией, которую нужно было затем перепродать, чтобы получить возможность купить товары первой необходимости. Число безработных, не полностью занятых рабочих во второй половине 1990-х годов было более высоким, чем в других профессиональных группах [Максимов, 2004, с. 32]. 3 февраля 1998 года губернатору Санкт-Петербурга В. А. Яковлеву поступило обращение от Ленинградского комитета РКРП, в котором отмечалось, что на многих предприятиях го-

рода положение с заработной платой исключительно тяжелое. Такое положение становится нетерпимым и грозит дестабилизацией обстановки как в городе, так и в России. На двух старейших предприятиях города — «Русском дизеле» и «Северном заводе» — рабочие девять месяцев не получали зарплаты [ЦГАИПД СПб, ф. 9369, оп. 1, д. 75, л. 15].

Не в лучшем состоянии находилось и население российской деревни. Кризис колхозной системы в позднем СССР, стимулирующий, в том числе, импорт зерна из других стран (США, Канада), не нашел своего разрешения в ходе рыночных реформ. Колхозная система перестала функционировать, а появления новых «кулаков» не произошло. Деревня продолжала стагнировать, в упадок приходила техника, усилился отток населения в города, а также усугубились такие негативные явления, как алкоголизм. В то же время наличие домашних хозяйств позволяло менее болезненно переживать процесс рыночной трансформации, обеспечивая семьи продуктами питания. Для некоторых горожан такую роль играли садовые и дачные участки.

Рыночные реформы оказали существенное влияние на жизнь деятелей культуры и науки. С одной стороны, определенная часть людей творческих профессий получила пространство для самореализации: открылась возможность писать и говорить на ранее табуированные темы, над гуманитарной наукой пропал идеологический контроль, усилилась взаимосвязь с мировой наукой. Так, например, в Санкт-Петербурге был открыт Европейский университет. Переходный период также ознаменовал собой слом привычного образа мира, тех структур, которые составляли среду обитания советского человека, тем самым вызывая стремление к рефлексии — потребности осмыслить и отразить происходящие изменения в разных формах искусства.

Преимущественно же работники бюджетной сферы были поставлены в крайне непростое материальное положение, что стимулировало поиск дополнительной работы или смену формы деятельности. Если в 1990 году в сфере науки работали 12,9 % петербуржцев (343 тыс.), то в 2002 году — всего 5,0 % (120,6 тыс.) [Санкт-Петербург ..., 2003, с. 36]. Закрывались многие НИИ, резко сократились объемы государственного финансирования образования и науки. Увеличилась доля безработных среди людей, имеющих высшее образование. Если в 1992 году их было 16,4 %, то в 1999 году — 22,9 % [Там же, с. 43].

В связи с сокращением финансирования Санкт-Петербургский союз ученых выступил с заявлением: «Речь идет о том, что в число секвестрованных статей бюджета попали расходы и на науку, без поддержки которой

ни о каком развитии отечественного производства не приходится даже и мечтать. Если предлагаемые в правительственном постановлении масштабы снижения финансирования науки станут реальностью, то разрушительные процессы затронут самые основы существования этого важнейшего государственного института» [ЦГАИПД СПб, ф. 9369, оп. 1, д. 75, л. 40]. Ученых также удивлял отказ государства от помощи иностранных фондов: «Трудно представить характер аргументов, которыми руководствовались чиновники министерства финансов, принимая соответствующее решение. Неужели правительство реформаторов подобно псевдопатриотам, настолько не приемлет Дж. Сороса, что готово допустить гибель российской науки, лишь бы избежать его помощи?» [Там же, л. 41]. При этом стоит отметить, что в этот период государство не сильно вмешивалось в систему образования и она, пусть и с определенными погрешностями, продолжала функционировать.

Несмотря на то, что интеллигенция, по идее, должна была стать одной из базовых составляющих нового среднего класса, этого так и не произошло. В заявлении Российской партии социальной демократии отмечалось: «Средний класс, являющийся основой гражданского общества, главным налогоплательщиком, стабилизирующим фактором общественной жизни, при номенклатурно-олигархическом капитализме, сформировавшимся в России, остался без политической и государственной поддержки. Те, кто поверил в демократические реформы, более других продвигал их своим трудом, голосовал в 1996 году за продолжение курса реформ во главе с Б. Н. Ельциным, оказались обреченными на гибель ...» [Там же, л. 72]. Этот момент отмечает и И. Д. Прохорова: «Я думаю, что одна из главных ошибок демократов заключалась в том, что они не поняли ту среду поддержки, которая собственно и привела к демократическим изменениям, а это была прежде всего среда интеллигенции, научно-технической интеллигенции. Они были тем фундаментом, движущей силой демократической революции, и то, что этому слою позволили расплыться, исчезнуть как мощной социальной группе, это, конечно, трагическая история» [Прохорова, 2019].

Существенно пострадала в ходе реформ армия. Советские войска выводились из Центральной и Восточной Европы, ликвидировались военные базы, сокращался объем субсидий и государственного заказа для предприятий ВПК. В стране концентрировалась огромное количество недовольных военных. Один из известных военачальников генерал Г. Н. Трошев оценивал это время следующим образом: «Беловежские закулисно-хмельные соглашения, распад СССР, безмозглые и безжалостные экономические реформы, повальное бегство офицеров из армии, а дальше — кровавая,

ломающая души и судьбы осень 93-го, и в довершение — это требование срочно гнать войска в Чечню ...» [Трошев, 2001, с. 24].

При этом никаких серьезных выступлений военных в 1990-е годы не было, что во многом кажется парадоксальным, учитывая количество военнослужащих и степень тяжести их положения. Кажется, были созданы все условия для массового выступления военных, но его не произошло. Можно разве что упомянуть несостоявшееся выступление генерала Л. Я. Рохлина, убитого в июле 1998 года [Полторанин, 2010, с. 405].

При этом военные структуры участвовали в распределении гуманитарной помощи стран Запада. Так, заместитель министра обороны СССР генерал армии В. М. Архипов в письме от 16 января 1991 года к председателю Центральной комиссии по использованию гуманитарной помощи Л. А. Воронину запрашивал передать 8 млн комплектов суточных рационов военнослужащих Бундесвера (сухих пайков), поступающих из Германии в качестве гуманитарной помощи, в адрес Всесоюзного объединения «Продинторг» в порты Ленинграда, Таллина, Клайпеды для выдачи военнослужащим и их семьям [ГАРФ, ф. 5446, оп. 163, д. 562, л. 44].

Одним из бенефициаров происходивших изменений стала политическая элита, основную часть которой составили представители советской номенклатуры. В частности, по одной из оценок, к концу 1990-х годов она на три четверти состояла из прежней номенклатуры [Разуваева, 2005, с. 39]. Руководителями многих регионов становились бывшие главы облисполкомов или облсоветов: Э. Э. Россель в Свердловской области, В. П. Соловьев в Челябинской области, Л. К. Полежаев в Омской области, М. Г. Рахимов в Башкортостане и др. В ряде регионов к власти приходили лидеры демократического призыва, но они также постепенно уступали место «крепким хозяйственникам». Так, в Москве Г. Х. Попов уступил свое кресло Ю. М. Лужкову, а в Санкт-Петербурге А. А. Собчак проиграл в 1996 году выборы губернатора в пользу своего бывшего заместителя В. А. Яковлева.

Поэтому реформы конца 1980-х — 1990-х годов нельзя считать революцией, так как, несмотря на фундаментальное изменение социальной системы, кардинальной смены правящего класса не произошло, никакой люстрации не было. Номенклатура просто сменила «коммунистическую» идеологическую оболочку на «либеральную» и стала осуществлять власть привычными методами в рыночных условиях. Другими словами, элита конвертировала власть в собственность. Данную точку зрения подтверждают, в числе прочих, исследования О. В. Крыштановской [Крыштановская, 2005, с. 169].

Вопросы собственности и экономических предпочтений играли ключевую роль не только в экономическом развитии страны, но и в вопросе формирования характера государственного устройства России, специфике взаимодействия центра и регионов. Перераспределение государственной собственности представляло очевидный и доступный ресурс в неформальном торге между центром и субъектами РФ [Радыгин, 2001, с. 51]. Крупным региональным лидерам, «региональным баронам» Ельцинской эпохи предоставлялась существенная автономия внутри своих «вотчин» в обмен на политическую лояльность. Эта практика нашла свое выражение, в частности, в заключении договоров о разграничении полномочий между центром и регионами, по которым особые привилегии получали национальные республики, в частности Татарстан [Graeme et al., 2003, p. 10], с которым 15 февраля 1994 года был заключен первый подобный договор. Данная политика, по мысли руководства страны, должна была предотвратить Чеченский сценарий в отношениях с другими регионами, обеспечить территориальную целостность России.

Нужно отметить, что в 1990-е годы при слабой центральной власти позиции региональных властей были гораздо сильнее, что было связано также с выборами глав субъектов РФ, проводившимися регулярно в 1995—2004 годах, поэтому именно они определяли ситуацию на местах, а положение в регионах было весьма различным. Для элиты Санкт-Петербурга и Ленинградской области понимание и разрешение проблемы взаимоотношений с федеральным центром имело вид маятниковых колебаний в диапазоне «централизация — децентрализация». Так, например, в ходе финансового кризиса 1998 года «маятник, не дойдя до точки равновесия, вновь пошел в сторону регионов» [Дука, 2001, с. 273].

Одним из основных институтов, обеспечивающих поддержку разным группам элит становились политические партии, которые также уделяли активное внимание вопросам собственности. Например, с Комитетом по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга долго решался вопрос относительно предоставления помещений партии «Демократический выбор России» (далее — ДВР). Переписка осуществлялась преимущественно между председателем исполкома городского отделения партии А. В. Годуновым и генеральным директором департамента недвижимого имущества КУГИ Г. О. Грефом [ЦГАИПД СПб, ф. 9369, оп. 1, д. 9, л. 3]. В результате рассмотрения различных вариантов, по договору аренды от 1 сентября 1997 года, помещение было предоставлено по адресу ул. Разъезжая, д. 46 Б [Там же, л. 49].

Помимо решения личных локальных вопросов, партии стремились влиять на проведение приватизационной политики в целом. Тот же ДВР

4 мая 1998 года решил организовать рабочую группу по подготовке законодательной инициативы «О приватизации арендуемых нежилых помещений». В состав рабочей группы вошел ряд депутатов и экспертов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, представители руководства КУГИ СПб, предприниматели и члены Политсовета регионального отделения партии ДВР [ЦГАИПД СПб, ф. 9369, оп. 1, д. 75, л. 35].

Оппозиционные партии также активно использовали в своих целях социальное недовольство проводимыми реформами. Так, в листовке, выпущенной Кировском райкомом КПРФ, с говорящим названием «Грозит ли России голод?» были такие пассажи: «Петербургжцы потребляют в среднем 2090 ккал. Для сравнения в лагерях НКВД была установлена норма 2800 ккал. В концентрационном лагере Освенцим заключенные получали 800 ккал. Таким образом, благодаря ельцинским, гайдаровским, чубайсовским реформам по потреблению продуктов население Петербурга находится между Освенцимом и ГУЛАГом» [ЦГАИПД СПб, ф. 9376, оп. 1, д. 24, л. 26].

Крепкими узами с постсоветской политической элитой связаны представители бизнес-элиты, получившие название *олигархи* и ставшие главными триумфаторами происходивших изменений. Вспоминая о двойственном воздействии реформ на жизнь интеллигенции, интересно отметить, что среди олигархов было достаточно представителей науки и культуры. «Главный олигарх» Б. А. Березовский, ставший символом эпохи в массовом сознании, был член-корреспондентом РАН, доктором технических наук. При этом, по оценке коллег, он был в большей степени «организатором науки», чем ученым [Авен, 2017, с. 38]. Другим наиболее известным олигархом стал В. А. Гусинский, по образованию театральный режиссер [Хоффман, 2007, с. 174]. Именно эти два человека и стали наиболее известными, так как владели мощными телевизионными каналами и существенно влияли на политическую жизнь страны. В частности, одним из лучших телевизионных каналов 1990-х годов был НТВ (независимое телевидение), или, по выражению главы охраны президента А. В. Коржакова, «ГТВ» — телевидение Гусинского [Коржаков, 2004, с. 293]

В целом в постсоветский период элиты четко осознали, что если хорошо поставлена работа со СМИ, то это дает огромный ресурс для управления социально-политическими процессами, возможности уничтожать потенциальных противников и конструировать позитивный образ собственной деятельности, а также мира вообще, продавливая его в массы. Еще Н. Макиавелли отмечал: «Люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим. Каждый знает, каков

ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнения большинства» [Макиавелли, 2009, с. 85].

Помимо наиболее крупных магнатов, также стоит выделить класс средних и мелких предпринимателей, которые формально и должны были стать главным локомотивом происходящих изменений. В основном они нашли свою нишу в сфере торговли и услуг. Новые предприятия, созданные в данной сфере, дополнили собой массив частной собственности, образовавшийся в ходе приватизации.

Существенной угрозой для них и в целом проблемой 1990-х годов стала волна к р и м и н а л и з а ц и и, которая наряду с нищетой и войной на Северном Кавказе существенно влияла на уровень социального напряжения в российском обществе. Расцвет бандитизма был логичным явлением, так как в условиях распада страны и старой системы управления, процесса формирования новой системы государственной власти, зарождения рыночной экономики образовался властный вакуум, который стали заполнять неформальные силовые структуры.

В связи с этим проводились определенные параллели со временами сухого закона и гангстерских войн в США 1920-х годов. В разговоре с А. Д. Константиновым один из представителей криминального мира, имеющий в окрестностях Петербурга поместье с должниками-рабами, описывал свое видение роли криминала в переходный период следующим образом: «Пройдут годы, и все у нас в России устаканится. Нынешние бандиты станут солидными предпринимателями, бизнесменами, может быть, даже издателями и меценатами. В мировой истории такое уже было — в США ... Нынешний бандитизм в России переходного периода от социализма к капитализму — это не примитивная уголовщина, в чем пытаются уверить обывателей наши оппоненты из ментовки. Это сложное и интересное социально-экономическое явление — между прочим, объективное, как любая историческая закономерность ...» [Константинов, 2016, с. 102].

Значительная часть бандитов была сформирована из состава членов спортивных клубов, воинов-афганцев, представителей старого уголовного мира, существенную роль играли преступные группировки, выстроенные по этническому принципу. Например, в Санкт-Петербурге одной из наиболее сильных этнических группировок было казанское сообщество. Среди местных групп выделялись «малышевские» и «тамбовские», последние в результате стали лидирующей группой.

При этом «бандитизм» был новым явлением в криминальном мире по сравнению со старым «миром воров», который возник в советских тюрьмах и исправительных лагерях 1930-х годов и представлял своеобразное

неформальное сообщество, своего рода субкультуру, объединяющую профессиональных преступников со значительным уголовным стажем [Волков, 2012, с. 152]. В связи с этим Санкт-Петербург и получил прозвище «бандитского», так Москва была «воровской» и жила по «понятиям» — неписаным правилам уголовного мира. Хотя, конечно, это деление было достаточно условным, и разные категории существенно переплетались.

В целом уровень криминализации российского общества 1990-х годов носил беспрецедентный характер. Существенно увеличилось количество совершаемых преступлений. В РФ в 1990 году было совершено 1839,5 тыс., в 1999 — 3001,7 тыс. преступлений [Российский ..., 2000, с. 243]. В Санкт-Петербурге: в 1990 — 57 608, а в 1999 году — 102 739 преступлений. На 1999 год пришелся пик, затем началось снижение: 2002 год — 72 241 [Санкт-Петербург ..., 2003, с. 133]. Росли показатели почти по всем категориям преступлений: в 1990 — 290 умышленных убийств и покушений на убийства, в 1999 — 902, в 1990 году — 767 преступлений, связанных с оборотом наркотиков, в 1999 — 14 694. Колоссальное взаимопроникновение криминала, власти и бизнеса было заслуженным объектом критики. В частности, Е. М. Примаков отмечал, что роль государства должна прежде всего заключаться в борьбе с преступностью и коррупцией [Галкина, 1998, с. 1]. На практике многие представители криминалитета становились депутатами и влияли на формирование правовой системы страны, а преступные сообщества с конца 1990-х годов переживали процесс легализации. В частности, ОПС «Уралмаш» стал общественно-политическим союзом и открыто принимал участие в выборах в городскую думу Екатеринбурга. «Ночной губернатор» Санкт-Петербурга В. С. Барсуков был арестован только в 2007 году.

4. Заключение

Таким образом, рыночные реформы и политика приватизации 1990-х годов привели к существенной трансформации не только экономики страны, но и социальной структуры российского общества. Менялось положение и значение различных социальных групп. Наиболее наглядно экономические преобразования в социальном плане отразились в структуре занятости. Санкт-Петербург находился в контексте общероссийских трендов, при этом он являлся локомотивом изменений, одним из регионов, где рыночные реформы и процесс приватизации осуществлялись наиболее интенсивно. В ходе реформ рынок насытился различными товарами и услугами, которые при наличии финансовых ресурсов позволяли жить на достойном уровне, в том числе после открытия границ ездить отдыхать в другие страны, но это могли позволить себе немногие. Для подавляющей же части на-

селения реформы ознаменовались существенным падением уровня жизни. В определенной степени «дефицит товаров» сменился «дефицитом денег».

Помимо материального измерения социальных изменений, нужно отметить также и ментальный аспект, а именно произошел существенный слом привычных схем мышления и моделей поведения. Старые формы мышления, сформированные в советское время, переплетались с новыми моделями, обусловленными реалиями молодого «дикого капитализма», образуя собой причудливое сочетание, из которого состоял внутренний мир постсоветского человека. Психологические особенности советских граждан, их восприятие власти и роли государства, предпринимательства, частной инициативы, привычка к «договорной» модели поведения в условиях «экономики дефицита», восприятие идеологии как чего-то искусственного и вторичного стали существенными факторами, повлиявшими на характер рыночной трансформации и особенности посткоммунистической общественной модели.

Одним из главных последствий приватизации можно считать существенное материальное расслоение российского общества. Вместо формирования значительной прослойки среднего класса, представляющего из себя социальный фундамент политической демократической системы и цивилизованного рынка, произошла концентрация собственности в руках небольшой группы людей при обнищании большей части населения, что объективно вело к формированию «авторитарно-олигархической» политической системы. Пережив начальный, наиболее тяжелый этап переходного периода, люди так и не дождались благ «цивилизованного капитализма». Можно сказать, что в стране произошел переход от «номенклатурного социализма» к «номенклатурному капитализму», при котором основные материальные ресурсы находятся в руках высшей бюрократии и приближенных к власти бизнесменов. Именно эта модель и стала в глазах россиян тем единственным видом «капитализма», который им удалось непосредственно познать, что привело к разочарованию в «западной модели», появлению настроений о возврате в «светлое прошлое» и «особом пути» России. Таким образом, стремясь к реализации либерально-демократического проекта, к построению в долгосрочной перспективе цивилизованного рынка и реальной демократической системы, специфика осуществления политики приватизации, ее мобилизационный характер, стремление как можно быстрее лишить государства основной части собственности, использование приватизации в качестве инструмента решения политических задач в совокупности с другими особенностями переходного периода привели к тому, что в России сформировалась совсем другая социальная система, а конечная цель преобразований оказалась отсрочена на неопределенное время.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 2514. Л. 11 ; Ф. 10128. Оп. 1. Д. 2708. Л. 92 ; Ф. 5446. Оп. 163. Д. 562. Л. 44.
2. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 10134. Оп. 1. Д. 127. Л. 8.
3. ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 9369. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 49 ; Д. 24. Л. 26 ; Д. 75. Л. 15, 35, 40, 41, 72.
4. *Архипов И.* Воспитанный человек с дамой не спорит / И. Архипов // Вечерний Петербург : газета. — 06.05.98. — № 79 (21285). — С. 2.
5. *Галкина О.* Бюджет расширять не будем / О. Галкина // Час Пик : газета. — 26.01.99. — № 2 (54). — С. 1—2.
6. *Голубев В.* На Васильевском острове / В. Голубев // Балтиец : газета. — 01.03.94. — № 6 (7159). — С. 3.
7. Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год (утв. Постановлением ВС РФ от 11.06.1992 № 2980-1) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_557/.
8. *Коновалова Н.* Пенсии — самая острая проблема / Н. Коновалова // Санкт-Петербургские ведомости : газета. — 02.11.95. — № 210 (1138). — С. 1.
9. *Коржаков А. В.* Борис Ельцин : от рассвета до заката : мемуары / А. В. Коржаков. — Москва : Детектив-Пресс, 2004. — 552 с.
10. *Макиавелли Н.* Государь / Н. Макиавелли ; перевод с итальянского Г. Муравьевой. — Москва : ЭКСМО, 2009. — 512 с.
11. *Ответы на вопросы газеты «Собственность»* // Собственность : газета. — 01.11.1995. — № 6 (14). — С. 2.
12. *Полторанин М. Н.* Власть в тротиловом эквиваленте : мемуары / М. Н. Полторанин. — Москва : Эксмо, 2010. — 512 с.
13. *Прохорова И. Д.* Интервью Н. Н. Солодникову. 2019 [Электронный ресурс] / И. Д. Прохорова. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=Ab4qJft-h1E>.
14. *Российский статистический ежегодник. Статистический сборник.* — Москва : Госкомстат, 2000. — 642 с.
15. *Санкт-Петербург в 2002 году. Статистический сборник.* — Санкт-Петербург : Комитет государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, 2003. — 245 с.
16. *Санкт-Петербург и Ленинградская область в 1999 г. Статистический сборник.* — Санкт-Петербург : Петербургкомстат, 2000.
17. *Стенограмма заседания Государственной Думы от 02.12.1998 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://transcript.duma.gov.ru/node/2468/>.
18. *Стенограмма заседания Государственной Думы от 19.11.1999 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://transcript.duma.gov.ru/node/2286/>.
19. *Трошев Г. Н.* Моя война. Чеченский дневник окопного генерала : мемуары / Г. Н. Трошев. — Москва : Вагриус, 2001. — 380 с.
20. Указ Президента РФ от 01.07.1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных

ных предприятий в акционерные общества» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1621>.

21. *Филиппов П. С.* Лекция «Приватизация в России : ошибки и последствия». 21.10.2017 [Электронный ресурс] / П. С. Филиппов. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=FfFhroEmT7g>.

22. *Чубайс А. Б.* Интервью. 2001 [Электронный ресурс] / А. Б. Чубайс. — Режим доступа : <https://forum-msk.org/material/economic/2493684.html>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авен П. О.* Время Березовского / П. О. Авен. — Москва : АСТ, 2017. — 814 с.
2. *Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие)* / Руководитель рабочей группы — Председатель Счетной Палаты Российской Федерации С. В. Степашин. — Москва : Олита, 2004. — 185 с.
3. *Волков В. В.* Силовое предпринимательство, XXI век : экономико-социологический анализ / В. В. Волков. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. — 352 с.
4. *Гайдар Е. Т.* Смуты и институты. Государство и эволюция / Е. Т. Гайдар. — Санкт-Петербург : Норма, 2009. — 336 с.
5. *Докторов Б. З.* Эпоха Ельцина : Мнения россиян : Социологические очерки / Б. З. Докторов, А. А. Ослон, Е. С. Петренко. — Москва : Институт фонда «Общественное мнение», 2002. — 382 с.
6. *Дука А. В.* Региональные элиты Северо-Запада России : политические и экономические ориентации / А. В. Дука. — Санкт-Петербург : Алетей, 2001. — 352 с.
7. *Константинов А. Д.* Бандитский Петербург. 25 лет спустя / А. Д. Константинов. — Москва : АСТ, 2016. — 1055 с.
8. *Крыштановская О. В.* Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. — Москва : Захаров, 2005. — 384 с.
9. *Лапина Н. Ю.* Российская приватизация : история, динамика, результаты / Н. Ю. Лапина // Приватизация в России и других странах СНГ. — Москва : ИНИОН РАН, 2003. — С. 13—56.
10. *Максимов Б. И.* Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х годов. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 277 с.
11. *Мунтян М. В.* Приватизация и приватизаторы (теория и практика российской приватизации) / М. А. Мунтян, А. И. Подберезкин, С. П. Стреляев. — Москва : Евразия+, 2005. — 308 с.
12. *Радыгин А. Д.* Трансформация отношений собственности и сравнительный анализ российских регионов / А. Д. Радыгин. — Санкт-Петербург, 2001. — 295 с.
13. *Разуваева Н. Н.* Новейшая история России в оценках ученых / Н. Н. Разуваева. — Москва-Уфа : Восточный университет, 2005. — 96 с.
14. *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России / Д. Хоффман. — Москва : КоЛибри, 2007. — 642 с.
15. *Graeme P. Herd.* Russian Regions and Regionalism : strength through weakness / P. Herd Graeme, Anne Aldis. — London : Routledge Curzon, 2003. — 281 p.

SOCIO-ECONOMIC RESULTS AND POLITICAL CONSEQUENCES OF PRIVATIZATION OF 1990s FOR RUSSIA AND SAINT PETERSBURG¹

© **Timofey V. Valov (2020)**, orcid.org/0000-0002-8887-9421, research engineer, Institute of History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University” (St. Petersburg, Russia), timofei.valov@yandex.ru.

The socio-economic results and political consequences of Russian privatization of the 1990s are examined. The relevance of the study is due to the fact that market reforms, including the privatization policy, significantly influenced all spheres of life in post-Soviet society, forming a social model of post-communist Russia. Accordingly, the study of this issue allows us to better understand not only the nature of one of the most fundamental historical transitions of the late XX century, but also the specifics of modern Russian society. The influence of economic reforms on social changes is analyzed, demographic shifts are considered, the transformation of the social structure of post-communist society is examined. The regional dimension is revealed on the example of St. Petersburg. The transformation of the social structure is examined in more detail on the example of individual social groups: workers, the rural population, the intelligentsia, the military, the political elite, oligarchs, and criminals. The relationship between the social and political consequences of privatization is analyzed. The research information base was composed of statistical sources, memoirs, transcripts of meetings of the State Duma, legislation, the press of Russia and St. Petersburg, audiovisual sources, opinion polls, and archival materials, including funds of the State Archive.

Key words: privatization; reform; capitalism; market; own; society; St. Petersburg.

MATERIAL RESOURCES

- Arkhipov, I. (06.05.98). Vospitannyy chelovek s damoy ne sporit. *Vecherniy Peterburg: gazeta*, 79 (21285). (In Russ.).
- Chubays, A. B. (2001). *Intervyu*. Available at: <https://forum-msk.org/material/economic/2493684.html>. (In Russ.).
- Filippov, P. S. (21.10.2017). Lektsiya «Privatizatsiya v Rossii: oshibki i posledstviya». Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=FfFhroEmT7g>. (In Russ.).
- Galkina, O. (26.01.99). Byudzhets rasshiryat' ne budem. *Chas Pik: gazeta*, 2 (54): 1—2. (In Russ.).
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. 10026. Op. 1. D. 2514. L. 11; F. 10128. Op. 1. D. 2708. L. 92; F. 5446. Op. 163. D. 562. L. 44. (In Russ.).
- Golubev, V. (01.03.94). Na Vasilyevskom ostrove. *Baltiyets: gazeta*, 6 (7159). (In Russ.).
- Gosudarstvennaya programma privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipalnykh predpriyatiy v Rossiyskoy Federatsii na 1992 god (utv. Postanovleniyem VS RF ot 11.06.1992 № 2980-1)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_557/. (In Russ.).
- Konovalova, N. (02.11.95). Pensii — samaya ostraya problema. *Sankt-Peterburgskiy vedomosti: gazeta*, 210 (1138). (In Russ.).
- Korzhakov, A. V. (2004). *Boris Eltsin: ot rassveta do zakata: memuary*. Moskva: Detektiv-Press. (In Russ.).

1 The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of a scientific project. № 19-39-90010.

- Makiavelli, N. (2009). *Gosudar'*. Moskva: EKSMO. (In Russ.).
- Otveti na voprosy gazety «Sobstvennost'». (01.11.1995). *Sobstvennost': gazeta*, 6 (14). (In Russ.).
- Poltoranin, M. N. (2010). *Vlast' v trotilovom ekvivalente: memuary*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Prokhorova, I. D. (2019). Intervyu N. N. Solodnikovu. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Ab4qJft-h1E>. (In Russ.).
- Rossiyskiy statisticheskiy yezhegodnik. *Statisticheskiy sbornik*. (2000). Moskva: Goskomstat. (In Russ.).
- Sankt-Peterburg v 2002 godu. Statisticheskiy sbornik*. (2003). Sankt-Peterburg: Komitet gosudarstvennoy statistiki po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti. (In Russ.).
- Sankt-Peterburg i Leningradskaya oblast' v 1999 g. Statisticheskiy sbornik*. (2000). Sankt-Peterburg: Peterburgkomstat. (In Russ.).
- Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dумы ot 02.12.1998 g.* Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2468/>. (In Russ.).
- Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dумы ot 19.11.1999 g.* Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2286/>. (In Russ.).
- Troshev, G. N. (2001). *Moya vojna. Chechenskiy dnevnik okopnogo generala: memuary*. Moskva: Vagrius. (In Russ.).
- TsGA SPb — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga*. F. 10134. Op. 1. D. 127. L. 8. (In Russ.).
- TsGAIPD SPb — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga*. F. 9369. Op. 1. D. 9. L. 3, 49; D. 24. L. 26; D. 75. L. 15, 35, 40, 41, 72. (In Russ.).
- Ukaz Prezidenta RF ot 01.07.1992 g. № 721 «Ob organizatsionnykh merakh po preobrazovaniyu gosudarstvennykh predpriyatiy, dobrovolnykh obyedineniy gosudarstvennykh predpriyatiy v aktsionernyye obshchestva»*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1621>. (In Russ.).

REFERENCES

- Analiz protsessov privatizatsii gosudarstvennoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii za period 1993—2003 gody (ekspertno-analiticheskoye meropriyatiye). Rukovoditel' rabochey gruppy — Predsedatel' Schetnoy Palaty Rossiyskoy Federatsii S. V. Stepashin*. (2004). Moskva: Olita. (In Russ.).
- Aven, P. O. (2017). *Vremya Berezovskogo*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Doktorov, B. Z., Oslo, A. A., Petrenko, E. S. (2002). *Epokha Eltsina: Mneniya rossiyan: Sotsiologicheskiye ocherki*. Moskva: Institut fonda «Obshchestvennoye mneniye». (In Russ.).
- Duka, A. V. (2001). *Regionalnyye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskiye i ekonomicheskkiye oriyentatsii*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Gaydar, E. T. (2009). *Smuty i instituty. Gosudarstvo i evolyutsiya*. Sankt-Peterburg: Norma. (In Russ.).
- Graeme, P. H., Aldis, A. (2003). *Russian Regions and Regionalism: strength through weakness*. London: Routledge Curzon.
- Khoffinan, D. (2007). *Oligarkhi. Bogatstvo i vlast' v novoy Rossii*. Moskva: KoLibri. (In Russ.).

- Konstantinov, A. D. (2016). *Banditskiy Peterburg. 25 let spustya*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Kryshtanovskaya, O. V. (2005). *Anatomiya rossiyskoy elity*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Lapina, N. Yu. (2003). Rossiyskaya privatizatsiya: istoriya, dinamika, rezultaty. *Privatizatsiya v Rossii i drugih stranakh SNG*. Moskva: INION RAN. 13—56. (In Russ.).
- Maksimov, B. I. (2004). *Rabochiye v reformiruyemoy Rossii, 1990-e — nachalo 2000-kh godov*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Muntyan, M. V., Podberezkin, A. I., Strelyayev, S. P. (2005). *Privatizatsiya i privatizatory (teoriya i praktika rossiyskoy privatizatsii)*. Moskva: Evraziya+. (In Russ.).
- Radygin, A. D. (2001). *Transformatsiya otnosheniy sobstvennosti i sravnitelnyy analiz rossiyskikh regionov*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Razuvayeva, N. N. (2005). *Noveyshaya istoriya Rossii v otsenkakh uchenykh*. Moskva-Ufa : Vostochnyy universitet. (In Russ.).
- Volkov, V. V. (2012). *Silovoye predprinimatelstvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).